

DOI: 10.15393/j9.art.2013.375

Дмитрий Андреевич Кунильский

*кандидат филологических наук,
ст. преподаватель кафедры
русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
dkuniilsky@mail.ru*

ПРОТОИЕРЕЙ А. М. ИВАНЦОВ-ПЛАТОНОВ О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИЗНИ*

Аннотация: В статье рассматриваются литературно-эстетические взгляды известного богослова и историка Церкви А. М. Иванцова-Платонова. Прослежены основные вехи его научной и творческой биографии, сведения о которой не всегда можно найти в справочных изданиях. Особое внимание уделено его работе «О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе», опубликованной в славянофильском журнале «Русская беседа». Высказанные в этой статье идеи развивают эстетическую программу славянофилов. Представленная автором концепция, согласно которой в русской литературе выделяются два направления, положительное и отрицательное, повторяет некоторые положения К. Аксакова. Исследуется проблема соотношения христианских идеалов и светского искусства в понимании Иванцова-Платонова, обсуждается его отношение к творчеству Достоевского. Приведены свидетельства современников о личных качествах церковного публициста, его терпимости и мягкости к инакомыслящим, готовности помочь ближнему. Делается вывод о совпадении прогнозов Иванцова-Платонова с действительным развитием русской литературы во второй половине XIX века в лице крупнейших ее представителей — Толстого и Достоевского.

Ключевые слова: А. М. Иванцов-Платонов, положительное и отрицательное направления, славянофилы

Имя протоиерея Александра Михайловича Иванцова-Платонова известно не только специалистам по церковной истории. Пастырское служение органично сочеталось у него с преподаванием в светских учебных заведениях, активной журнальной деятельностью, полемикой по религиозным вопросам, причем в списке его публикаций найдутся и те, что выходят за рамки собственно богословской тематики. Оставленное им наследие включает в себя также работы педагогического характера и, что особенно интересно в нашем случае, —

статьи, посвященные важнейшим нравственно-эстетическим проблемам. Однако столь очевидная значимость Иванцова-Платонова для понимания общественной жизни XIX в., взаимоотношений литературы и Церкви почему-то осталась обойденной в ряде авторитетных справочных изданий, хотя научный интерес к этому автору, начавшийся еще в позапрошлом столетии, не угасает до сих пор.

Несмотря на подробную информацию об Иванцове-Платонове, помещенную в «Православной энциклопедии» [2, 677—682], упоминание его в собственно литературоведческих трудах, ощущается некоторая лакуна, свидетельствующая о неполном введении книг и статей церковного автора в научный обиход. К примеру, в словаре «Русские писатели. 1800—1917» сведения о нем почему-то отсутствуют. Трудно объяснить такой досадный пробел, ведь биография этого ученого, богослова и публициста весьма примечательна.

Сын священника Александр Михайлович Иванцов-Платонов (1835—1894) получил многоступенчатое религиозное образование — от Курского духовного училища и семинарии до Московской академии. За отличную учебу в последней награжден прибавлением к фамилии — Платонов, как стипендиат митрополита Платона (Левшина). Дальнейшая судьба Иванцова-Платонова была связана с преподаванием: в разное время он трудился в Санкт-Петербургской духовной академии, Александровском военном училище, Московском университете. В студенческие годы знакомится со славянофилами и затем поддерживает дружеские отношения с И. С. Аксаковым, публикуясь в его изданиях¹. В журнале «Православное обозрение», соредактором которого он был, Иванцов-Платонов напечатал переписку А. С. Хомякова с английским богословом Пальмером. Кроме выступлений в периодической печати, Иванцов-Платонов занимается научной деятельностью, за работу «Ереси и расколы первых веков христианства» (1877) получает степень доктора богословия.

Сближению с кружком славянофилов способствовала дебютная статья молодого автора — «О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе», кото-

рая представляла собой студенческое семестровое сочинение. Бывший в ту пору негласным редактором «Русской беседы» Иван Аксаков, прочитав названную работу, сам предложил напечатать ее в журнале². Это обстоятельство тем более показательно, если учесть особую щепетильность славянофилов, не раз проявленную ими при отборе материалов для журнала³. Идеи, высказанные Иванцовым-Платоновым, соответствовали «славянофильскому мироощущению» (В. Ф. Эрн), можно сказать, проистекали из него и одновременно развивали эстетическую программу славянофилов. Неслучайно работу церковного автора не раз привлекали для общей характеристики литературно-эстетических взглядов славянофильства [9, 270—279], [15, 333—336]. Нас преимущественно будет интересовать христианская основа концепции Иванцова-Платонова, редко когда упоминавшаяся исследователями. Но без разбора всей статьи, пусть и предельно сжатого, эти идеи, наверное, лишаются своей литературной актуальности и важности.

Статья Иванцова-Платонова носит программный, теоретический характер и в этом смысле опирается на традиционную для славянофилов историко-литературную концепцию. В своем труде молодой автор обосновывает необходимость сочувственного изображения русской действительности, предлагает ценить то хорошее, что в ней есть, а не сокрушаться по поводу ее несоответствия жизни европейских народов. Такой терпимостью его позиция несколько отличалась от славянофильской, но расхождения были не столь серьезны, и редакция в лице Ивана Аксакова ограничилась лишь особым примечанием.

Главная проблема отечественной литературы видится Иванцову-Платонову в недостатке положительных образов и вообще идеального изображения русского быта. Причину такого, казалось бы, удручающего положения автор находит в самом происхождении русской литературы, в ее подражательном характере (об этом много размышляли и другие ав-

торы славянофильского направления, в том числе и на страницах «Русской беседы»).

Нашим писателям, считает Иванцов-Платонов:

До сих пор удавалось схватывать и изображать только дурные, темные стороны Русского человека, так называемые отрицательные явления Русской жизни [1, 1].

Поэтому «сатирический род искусства», представленный творениями Фонвизина, Гоголя, Щедрина,

составляет не только главное, но, к сожалению, едва ли не единственное богатство Русской литературы [1, 1].

Отрицание, как всегда, в первую очередь, привлекло молодые умы — и сам еще совсем юный автор не без сожаления констатирует, что большинство начинавших в сороковые годы литераторов пошло «по направлению, указанному сатирою Гоголя». Под этими последователями Гоголя имелась в виду, конечно, натуральная школа; ее деятельность, в конце концов, привела к весьма серьезным последствиям:

Публика Русская, обольщенная успехами нового сатирического направления, перестала почти верить в возможность идеала Русской жизни, и стала с недоверчивостию смотреть на все попытки к его художественному осуществлению [1, 3].

Но всякая жизнь, как убедительно показывает Иванцов-Платонов, имеет в себе положительные основания, и дело художника увидеть в ней светлые моменты вопреки всем трудностям и господствующему настроению общества. Этому вопросу посвящена теоретическая часть его статьи, где объясняется различное отношение поэта к изображаемой действительности:

Если явления жизни действительной отвечают идеалам поэта, — поэт примиряется с жизнью во имя своих идеалов, и в явлениях ее находит формы для воплощения их; здесь открывается место положительному воззрению и положительному изображению жизни. Если жизнь не отвечает идеалам поэта, он отрицает ее во имя своих идеалов, и изображением явлений ее показывает только противоречие между жизнью и идеалами; является отрицательное (комическое, сатирическое) воззрение и изображение жизни [2, 6].

Объективность исследователя сочетается здесь с недвусмысленной авторской позицией: сам Иванцов-Платонов склоняется к первому пути, ведь именно

...положительное изображение жизни в области искусства занимает высшее место, нежели отрицательное <...> оно полнее выражает истину жизни, а <...> жизнь, что бы ни говорили пессимисты, прекрасна и разумна [1, 5].

Конечно, церковный автор не мог пройти мимо проблемы осуществления христианского идеала в обычной жизни, тем более что заведомая недостижимость такого идеала давала повод для отрицательного мировосприятия. Подобная установка способна привести к отрицанию земной жизни людей, в общем-то далеких от нигилизма, людей, которые во имя своего понимания Божественной истины излишне строго оценивают собственные недостатки и слабости ближних, государственные порядки и произведения искусства — как недостойные заботы христианина.

Русский дух, говорят, — передает эту точку зрения Иванцов-Платонов, — носит в себе такой высокий идеал жизни, которому не может удовлетворить никакая действительность. Некоторые прибавляют к тому, что идеал этот воспитала в нашем народном духе Христианская религия, слишком глубоко проникшая в его природу. От этого будто образовалось в Русском народе всегдашнее недовольство своею настоящею действительностию, непрестанное стремление вперед к чему-то высшему, коренная добродетель Русского народа — смирение. От этого Русский человек всегда более обращает внимание на свои недостатки, нежели на хорошие свойства [1, 26—27].

Отчасти это так, признает Иванцов-Платонов, ведь

...ни один человек, на какой бы высоте нравственного совершенства ни стоял он, не может осуществить в своей жизни бесконечный идеал святости и правды Божественной [1, 8].

Но сам он склоняется к другой трактовке вопроса, вдохновлявшей на творчество многих русских писателей, из которых особенно близким Иванцову-Платонову окажется Достоевский.

Через много лет после публикации этой статьи Иванцов-Платонов будет поражен художественным воплощением своих заветных мыслей в романе «Братья Карамазовы», — он напишет Достоевскому письмо, где поблагодарит писателя за проникновенное изображение «высших сторон духовной жизни». По мнению автора письма, так верно и «сердечно» представить христианский идеал, как это делает в своих произведениях Достоевский, не удавалось «еще ни одному из поэтов и романистов русских (кажется — и иностранных)» [6]⁴. К сожалению, Иванцов-Платонов не оставил развернутого отзыва о творчестве Достоевского, хотя такое намерение у него было. Но догадаться, почему «Братья Карамазовы» столь сильно повлияли на церковного публициста, не составляет большой сложности: достаточно сопоставить некоторые фрагменты статьи «О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе» и поучения старца Зосимы, в которых выразилась наиболее близкая Иванцову-Платонову сторона христианства.

Радостному человеколюбию Зосимы («Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле»⁵ (XIV, 289)) соответствует морально-эстетическое убеждение Иванцова-Платонова в том, что

...возвышаться над действительностью жизни, стремиться к высшему идеалу, и в то же время с снисходительностью и любовью смотреть на жизнь и людей — именно в духе Христианской религии [1, 28].

Автор вынужден опровергать мнение, согласно которому сатирическое воспроизведение жизни связывается с постоянной неудовлетворенностью, вызванной, кроме других причин, и христианской проповедью смирения. Увлеченность читателей сатирическими произведениями Иванцова-Платонова объясняет не «потребностью самоосуждения и назидания» — иначе «давно не было бы в нашем обществе тех недостатков, против которых так сильно ратует наша сатира», — а способностью Щедрина и Мельникова-Печерского писать «весьма забавно, а по местам чересчур открыто и скандально». С точки зрения человека, профессионально

занимающегося богословием, каким тогда собирался стать автор статьи, сатира «всего более и не согласна с духом Христианского смирения» [1, 29].

Любовное отношение к жизни и людям, подчеркивает Иванцов-Платонов, не зависит от материального благополучия; напротив, излишняя обеспокоенность вещным миром отдаляет человека от положительных ценностей.

С лихорадочной поспешностью трудясь над изобретением новых начал, форм и средств жизни, современный человек ни на чем не успокаивается, непрестанно переходит от приобретения к новому приобретению [2, 34].

Вспоминаются мудрые слова Зосимы:

И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше⁶.

Это, конечно, не значит, что писавший позже Достоевский использовал давнюю статью Иванцова-Платонова: и в том и в другом текстах прозвучали общие для христианства идеи. Приведенные совпадения объясняют, что именно было близко церковному автору в произведениях Достоевского, «давним любителем и почитателем» которых называл себя Иванцов-Платонов [6, 226].

Как и следует человеку, отстаивающему положительные идеалы, Иванцов-Платонов, конечно, уверен в преодолении негативного настроения общества и литературы, явившегося следствием петровских реформ, в результате которых русский человек оказался «в отрицательном отношении к своей народной жизни», отвергнув ее «во имя начал и свойств Европейских» [1, 31, 42]. Основания для своих надежд автор видит в творчестве лучших русских писателей — большинство из них оцениваются как «поэты с преобладающим положительным воззрением на жизнь». При этом названы имена Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Кольцова, говорится о близости к положительному мироощущению Лермонтова и Гоголя [1, 30].

Столь одобрительные оценки русской литературы серьезно отличали позицию Иванцова-Платонова от литературно-критических взглядов славянофильства, на что обратил

внимание Б. Ф. Егоров: «Славянофилы, как правило, рассматривали положительные элементы лишь в произведениях очень ограниченного круга писателей (Гоголь, С. Аксаков, Н. Кохановская, "свои" поэты), а Иванцов-Платонов включает в эту сферу почти всех крупных русских писателей XVIII — XIX вв.» [4, 163]. Более «славянофильской» в этом отношении выглядит статья другого автора «Русской беседы» Н. П. Гилярова-Платонова, указавшего на фактическое отсутствие в отечественной литературе положительных художественных типов [10]⁷.

Различие в частностях не помешало авторам прийти к схожим выводам — оба констатируют отрицательный настрой литературы, но в то же время с оптимизмом смотрят вперед. Гиляров-Платонов надеется, что появление «Семейной хроники» С. Т. Аксакова свидетельствует о новом пути русского искусства, отдельные представители которого делают «попытки отрешиться от голого отрицания, и вследствие того изменить самую точку зрения» [10, 20]. Рождение по-настоящему положительной литературы, считает Иванцов-Платонов, сопряжено с выполнением ряда задач; решить их еще предстоит национальному самосознанию. Прежде всего, усвоенные ранее общечеловеческие элементы должны принять сообразную русским условиям форму. Вместе с тем необходимо добиться «полного и цельного уразумения» родной жизни, без чего также нельзя понять и оценить все ее положительные стороны. И наконец, сама русская действительность будет меняться в лучшую сторону — тогда в ней «откроется более предметов для <...> идеального изображения». Все это может произойти в ближайшем будущем, на что указывают

...некоторые прекрасные задатки мирного идеального изображения нашей народной жизни [1, 46]⁸.

Сам Иванцов-Платонов делал все от него зависящее, чтобы настроить русское общество на созидательную работу: он регулярно публиковался в периодических изданиях (аксаковские «День» и «Русь», «Православное обозрение»), издавал книги, адресованные молодым людям⁹, участвовал в различных церковно-общественных организациях, помогавших

студентам и выпускникам Московской духовной академии, их родственникам, в Славянском благотворительном комитете, на что нередко тратил немалые средства из собственных сбережений. Особенно интересно, как, по свидетельству современников, известный ученый и публицист воплощал свои идеалы в непосредственном человеческом общении. Все писавшие об Иванцове-Платонове отмечали его терпимость, мягкость по отношению к другим людям, стремление помочь даже тем, кто стоял на противоположных религиозных и идеологических позициях. «В течение 34-летней нашей дружбы, после бесчисленных и продолжительных бесед, — вспоминал протоиерей Г. П. Смирнов-Платонов, — я убедился, что его личным руководящим правилом было — сходитья с людьми только с их добрых сторон и действовать только на их добрые начала, оставляя в стороне и игнорируя все, что составляет темные качества личности» [12, 786].

И это привлекало к Иванцову-Платонову очень разных людей — от славянофилов до Льва Толстого и Владимира Соловьёва, напечатавшего в «Вестнике Европы» сочувственный некролог, посвященный почившему богослову [13].

Но и в литературной критике Иванцов-Платонов показал себя не менее терпимым, а главное, проникательным. Положительные идеи славянофилов — порой категоричные, порой излишне абстрактные, которые так глубоко развивал церковный автор в своей работе о положительном и отрицательном, были творчески восприняты русской литературой. Здесь можно назвать роман Толстого «Война и мир» с его «смирненными» героями и эпическим воспроизведением русской жизни («Это — действительное неслыханное явление, — удивлялся Н. Страхов, — эпопея в современных формах искусства» [14, 335]), или образы Алеши и Зосимы у Достоевского¹⁰. Появление такого рода героев и предсказывал Иванцов-Платонов в первой своей статье.

Примечания

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

- ¹ Впоследствии Иванцов-Платонов становится духовником Ивана Аксакова и его жены Анны Федоровны, в девичестве — Тютчевой. См. [7, 49—60].
- ² К слову, и в замечательной недавно вышедшей книге, посвященной «Русской беседе», об Иванцове-Платонове говорится не так много. См. [11, 179, 536].
- ⁴ Известно, что для славянофилов первостепенное значение имела содержательная сторона произведения, его идейная направленность. Напротив, даже самые высокохудожественные вещи могли быть забракованы в случае их несоответствия духу партии. «...» Мы желаем, — писал И. С. Аксаков графу А. К. Толстому, — чтобы каждая строка нашего журнала была в известную цель, пела в общем хоре, действовала благотворно на читателя. Исполняется ли это нами — другой вопрос, но таково желание "Р. Беседы", так я намерен действовать в "Парусе"» [8, 442—443].
- ⁵ Интересно, что взгляды Иванцова-Платонова на искусство, по крайней мере, как они выразились в статье 1859 г., не предвещали полного пристрастия романов Достоевского. Во-первых, церковный автор критиковал натуральную школу, творческие принципы которой оказали определенное влияние на Достоевского. Во-вторых, обращает на себя внимание характеристика романного жанра, предложенная в работе «О положительном и отрицательном отношении...»: вслед за К. Аксаковым Иванцов-Платонов определил роман как «какую-то составную, смешанную, эклектическую форму, совместившую в себе свойства и требования почти всех чистых форм искусства, и потому самому не удержавшую эстетических достоинств ни одной из них», и противопоставил ей древний эпос [2, 37]. Таким образом, Иванцов-Платонов мог пойти по чисто славянофильскому пути, но все сложилось несколько иначе.
- ⁶ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972—1990. Т. 14. С. 285.
- ⁷ Иванцов-Платонов — по сути, единственный из прославянофильских авторов, кто признал бесспорное значение «Братьев Карамазовых» и других произведений Достоевского. В окружении И. Аксакова «Братьям Карамазовым» давались, в основном, критические и умеренные оценки, а сам Аксаков занимал некое срединное положение.
- ⁸ Сходство фамилий объясняется принадлежностью литераторов к церковной среде и, как уже говорилось, отличной учебой в Московской Духовной академии. Религиозную направленность «Рус-

- ской беседы», «которая <...> едва ли не будет журналом Троицкой Лавры», еще в 1856 г. иронично предсказывал Ап. Григорьев [3, 379].
- ⁹ Надо сказать, что и в дальнейшем славянофилы весьма настороженно относились к попыткам изображения положительного в литературе (длительное молчание о произведениях Достоевского, а потом крайне разнородные отклики в «Руси» подтверждают это). «<...> Отрицательное отношение к жизни в искусстве, — писал И. Аксаков под впечатлением крестьянской реформы, — уже отжило свое время, а для положительного отношения мы, современники, уже не годимся <...>» (Письмо И. С. Аксакова к Ю. Ф. Самарину от 6—8 марта 1861 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 22). Хотя Иванцов-Платонов также не видит поистине положительных образов у современных писателей, все сказанное им о русской литературе проникнуто верой в ее скорейшее развитие, ведущее к идеальным картинам народного быта.
- ¹⁰ Для будущих офицеров, например, Иванцов-Платонов издал несколько книг, одна из которых называлась «Что такое жизнь?» [5].
- ¹¹ Ср. с записью в рабочей тетради Достоевского: «Я Макара, Лев Толстой Каратаева. Вот сущность славянофильства» (24, 146).

Список литературы

1. А. И.-Ц. <Иванцов-Платонов А. М.> О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе // Русская беседа. 1859. Кн. I (XIII). Критика. С. 1–46.
2. Богданова Т. А., Дубинский А. Ю., Литвинова Л. В. Иванцов-Платонов Александр Михайлович // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. XX. С. 677–682.
3. Григорьев А. А. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. 510 с.
4. Егоров Б. Ф. А. М. Иванцов-Платонов – ученый, публицист, литературный критик // Поиск смысла. Нижний Новгород: НГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1994. С. 160–170.
5. Иванцов-Платонов А. М., *прот.* Что такое жизнь? На память воспитанникам 4-го выпуска Александровского военного училища от законоучителя священника А. М. Иванцова-Платонова. М.: Унив. тип., 1867. 70 с.
6. Иванцов-Платонов А. М., *прот.* За третье десятилетие священства (1883–1893). Слова, речи и некоторые статьи заслуженного проф. Моск. ун-та прот. А. М. Иванцова-Платонова. Сергиев Посад: 2-я типография А. И. Снегиревой, 1894. 238 с.

7. *Иванцов-Платонов А. М.* Письмо к Достоевскому от 20 декабря 1880 г. // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1992. Т. 10. С. 226–227.
8. Из дружеской переписки гр. А. К. Толстого // Вестник Европы. 1905. Октябрь. Кн. 10. С. 442–443.
9. Литературные взгляды и творчество славянофилов (1830–1850-е годы). М.: Наука, 1978. 504 с.
10. *Н. Г-в <Гилларов-Платонов Н. П.>* Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова // Русская беседа. 1856. Кн. I. Критика. С. 1–69.
11. «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. 568 с.
12. *Смирнов-Платонов Г. П., прот.* Памяти протоиерея А. М. Иванцова-Платонова // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 25 (5). Ноябрь. С. 784–787.
13. *Соловьев Вл.* Профессор протоиерей А. М. Иванцов–Платонов // Вестник Европы. 1894. Кн. 12. С. 893–894.
14. *Страхов Н. Н.* Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с.
15. *Янковский Ю. З.* Патриархально-дворянская утопия. М.: Худож. лит., 1981. 373 с.

Dmitry Andreevich Kunil'sky

Ph.D. in Philology, The Senior Teacher of the Department of Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 dkunil'sky@mail.ru

ARCHPRIEST ALEXANDER IVANTSOV-PLATONOV: POSITIVE DIRECTION IN LITERATURE AND LIFE

Abstract: The article examines literary and aesthetic views of a wellknown theologian and church historian Alexander Ivantsov-Platonov. The study traces crucial milestones of his scientific and creative biography which can not be always found in reference books. His work *About positive and negative attitude towards life in Russian literature* published in a Slavophil periodical *Russkaya Beseda* is the main subject of this study. The ideas stated in this article develop Slavophiles' aesthetic programme. On the one hand, Ivantsov-Platonov's conception of positive and negative literary directions repeats some of Konstantin Aksakov's ideas. On the other hand, however, the church publicist develops the Slavophiles' theory with new concepts of Russian literature. This article studies the problem of correlation between Christian values and secular art as it was seen by Ivantsov-Platonov. It also analyzes his attitude to Dostoevsky's creative works. All Ivantsov-Platonov's

contemporaries describe him as a soft man, tolerant to opposite views and opinions, and always ready to help "his neighbours". The author of the article comes to a conclusion that Ivantsov-Platonov predicted the way Russian literature would develop. The works of Tolstoy and Dostoevsky proved that he was right in his vision.

Keywords: Alexander Ivantsov-Platonov, positive and negative directions, the Slavophiles

References

1. A. I.-Ts. <Ivantsov-Platonov A. M.> O polozhitel'nom i otritsatel'nom otnoshenii k zhizni v russkoy literature [About Positive and Negative Attitude Towards Life in Russian Literature]. *Russkaya beseda* [Russian Conversation], 1859, book 1, pp. 1–46.
2. Bogdanova T. A., Dubinskiy A. Yu., Litvinova L. V. Ivantsov-Platonov Aleksandr Mikhailovich. [Ivantsov-Platonov Alexander Mikhailovich]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya» Publ., 2009, vol. 20, pp. 677–682.
3. Grigor'ev A. A. *Sochineniya v 2 tomakh* [The Works in 2 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 2. 510 p.
4. Egorov B. F. A. M. Ivantsov-Platonov – uchenyy, publitsist, literaturnyy kritik [A. M. Ivantsov-Platonov – A Scientist, a Publicist and a Literary Critic]. *Poisk smysla* [The Search for Meaning]. Nizhniy Novgorod, Nizhny Novgorod state pedagogical Institute of foreign languages named after N. A. Dobrolyubov Publ., 1994, pp. 160–170.
5. Ivantsov-Platonov A. M. *Chto takoe zhizn'? Na pamyat' vospitannikam 4-go vypuska Aleksandrovsikogo voennogo uchilishcha ot zakonouchitelya svyashchennika A. M. Ivantsova-Platonova* [What is Life? To the Graduates of Alexander Military Academy from the Catechist Priest A. M. Ivantsov-Platonov]. Moscow, Moscow State University. Publ., 1867. 70 p.
6. Ivantsov-Platonov A. M. *Za tret'e desyatiletie svyashchenstva (1883–1893). Slova, rechi i nekotorye stat'i zasluzhennogo professora Moskovskogo universiteta prot. A. M. Ivantsova-Platonova* [The Third Decade of the Priesthood (1883–1893). Addresses, Speeches and Some Articles by the Honorary Professor of Moscow University, archpriest A. M. Ivantsov-Platonov]. Sergiev Posad, 2-ya tipografiya A. I. Snegirevoy Publ., 1894. 238 p.
7. Ivantsov-Platonov A. M. Pis'mo k Dostoevskomu ot 20 dekabrya 1880 g. [Letter to F. M. Dostoevskiy of December 20, 1880]. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1992, vol. 10, pp. 226–227.

8. Iz druzheskoyperepiski gr. A. K. Tolstogo [From Friendly Correspondence of Count A. K. Tolstoy]. *Vestnik Evropy* [*The Herald of Europe*], 1905, book 10, pp. 442–443.
9. *Literaturnye vzglyady i tvorchestvo slavyanofilov (1830–1850-e gody)* [*The Slavophiles' Literary Views and Creative Works (1830–1850)*]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 504 p.
10. N. G–v <Gilyarov-Platonov N. P.> Semeynaya khronika i Vospominaniya S. Aksakova [Family Chronicle and Memoirs of S. Aksakov]. *Russkaya Beseda* [*Russian Conversation*], 1856, book 1. Kritika, pp. 1–69.
11. «*Russkaya beseda*»: *Istoriya slavyanofil'skogo zhurnala: Issledovaniya. Materialy. Postateynaya rospis'* [*“Russkaya Beseda”: The History of the Slavophil Periodical. Studies. Materials. List of Articles*]. Saint-Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2011. 568 p.
12. Smirnov–Platonov G. P., archpriest. Pamyati protoiereya A. M. Ivantsova–Platonova [To the memory of archpriest A. M. Ivantsov–Platonov]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [*Questions of Philosophy and Psychology*], 1894, vol. 25 (5), pp. 784–787.
13. Solov'ov Vl. Professor protoierey A. M. Ivantsov-Platonov [Professor and archpriest A. M. Ivantsov-Platonov]. *Vestnik Evropy* [*The Herald of Europe*], 1894, vol. 12, pp. 893–894.
14. Strakhov N. N. *Literaturnaya kritika* [*Literary Criticism*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1984. 431 p.
15. Yankovskiy Yu. Z. *Patriarkhal'no-dvoryanskaya utopiya* [*Patriarchal Nobleman's Utopia*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981. 373 p.